

Юнь 11/23 / 1870 Дрезденъ

Благодарю Васъ, добрѣйшій Николай Николаевичъ, за скорый отвѣтъ, но письмо Ваше меня испугало, во первыхъ за Васъ: Мнѣ кажется, что я вовлекъ Васъ, изъ за себя, въ неприятности съ Кашпиревымъ. Какъ-бы я не желалъ этого! Впрочемъ можетъ я не такъ хорошо понялъ Ваше письмо. Во всякомъ случаѣ благодарю Васъ за стараніе обо мнѣ. Отказъ Кашпирева меня поразилъ и я теперь совершенно не понимаю что буду дѣлать. Время-же самое критическое для меня: Изъ тѣхъ 500 руб. я ничего не сохранилъ – именно рассчитывая¹ на постоянную присылку. Какъ и чѣмъ я продержусь и придумать не могу. Ребенокъ боленъ и расходы усиленные. Знакомствъ у меня здѣсь почти никакихъ, а въ Русскій Вѣстникъ я положительно не желалъ-бы обращаться съ просьбами до положеннаго мною срока.

Мнѣ случайно достался здѣсь Вѣстникъ Европы за нынѣшній годъ и я просмотрѣлъ всѣ номера. Меня изумило даже. Неужели такая, неслыханная еще до сихъ поръ у насъ² *посредственность* (развѣ исключая Булгаринскую Сѣверную пчелу) – могла имѣть подобный успѣхъ (6000 экз. и 2^е издание!). Вотъ что значитъ всѣмъ по плечу. Какое подлое подлаживаніе подъ уличное мнѣніе. Самая послѣдняя казенщина либерализма! Вотъ что значитъ успѣваетъ у насъ! Издають, впрочемъ, ловко, въ 1^е число каждаго мѣсяца и литераторовъ много. Я прочелъ между прочимъ *Казнь Тропмана* Тургенева. Вы можете имѣть другое мнѣніе, Николай Николаевичъ, но меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила. Почему онъ все конфузится и твердитъ что³ неимѣлъ права тутъ быть? Да, конечно, если только на спектакль пришелъ; но человекъ, на поверхности земной, не имѣетъ права отвергиваться и игнорировать то, что происходитъ на землѣ и есть высшія⁴ *нравственныя* причины

// л. 32

на то. Homo sum et nihil humanum... и т. д. Всего комичнѣе, что онъ въ концѣ⁵ отвергивается и невидитъ какъ казнятъ въ послѣднюю минуту: «Смотрите, господа, какъ я деликатно воспитанъ!⁶ Не могъ выдержать».⁷ Впрочемъ онъ себя выдаетъ; главное впечатлѣніе статьи, въ результатѣ – ужасная забота, до послѣдней щепетильности, о себѣ, о своей⁸ цѣлости и своемъ⁹ спокойствіи и это въ виду¹⁰

---

¹ *Вместо:* рассчитывая - *было:* рассчитываю

² у насъ *вписано.*

³ *Далее было начато:* неумѣ

⁴ *Вместо:* высшія - *было:* высшій

⁵ въ концѣ *вписано.*

⁶ *Далее было:* Эта дрянная статья

⁷ Не могъ выдержать». *Вписано.*

⁸ *Вместо:* своей - *было:* своемъ

⁹ *своемъ вписано.*

¹⁰ *Далее было:* того<?> чужой<?>

отрубленной головы! Плевать впрочемъ на нихъ всѣхъ. Надоѣли они мнѣ ужасно. Я считаю Тургенева самымъ исписавшимся изъ всѣхъ исписавшихся русскихъ писателей, – что-бы Вы ни писали «за Тургенева» Никол<ай> Николаевичъ, – ужъ простите.

Съ мнѣніями Вашими о Вашей дѣятельности еще разъ въ высочайшей степени несогласенъ.

А какъ-бы славно было хоть на минутку увидѣться. И отчего-бы Вамъ не съѣздить на мѣсяць за границу? Двѣсти рублей съ проѣздомъ не болѣе, а если 300 – то и по Европѣ можно проѣхать. Заѣхали-бы въ Дрезденъ, повидались-бы. Развѣ нельзя?

До свиданія, благодарю Васъ еще разъ. Не оставьте меня, позаботьтесь – если только можно.

Вашъ весь
Федоръ Достоевс<кій>

Анна Григорьевна Вамъ кланяется. Она совсѣмъ измучена и кормленіемъ и заботами. А тутъ еще эти непріятности!

// л. 33